

В.С. Груздинская

**ИСТОРИК МЕЖДУ МИРАМИ: ЭДУАРД ВИНТЕР
И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются советско-восточногерманские научные связи во второй половине XX в. Проблема исследуется на материале личной и деловой переписки историка из ГДР Эдуарда Винтера (1896–1982) и его советских коллег. Исследование построено на анализе материалов личного фонда Э. Винтера, хранящегося в Архиве Берлин-Бранденбургской академии наук. Выявленные источники позволили проследить повседневные практики научной коммуникации. Восточногерманский историк имел широкую сеть контактов с коллегами из СССР. В общей сложности их насчитывается свыше 40 человек. В рамках данной статьи внимание ограничено «ленинградским кругом» корреспондентов Э. Винтера, который составляли литературоведы П.Н. Берков и Г.Н. Моисеева, историк-славист А.С. Мыльников, химик М.А. Безбородов и др. В ходе исследования было установлено, что переписка преимущественно носила деловой характер и была сосредоточена на обмене книгами и отписками статей, обсуждении историографических новинок, уточнении архивных справок, согласовании переводов и публикаций. Другим значимым местом эпистолярного общения стало обсуждение возможности участия в сборниках и совместных проектах. Переписка показывает, что не всегда договоренности удавалось соблюсти и планы срывались из-за чрезмерной загруженности. Личная проблематика в эпистолярном общении Э. Винтера редко проскальзывает и выступает маркером доверительных отношений, проявляясь в ситуациях соболезнований и дружеской поддержки. Э. Винтер предстает посредником между разными, порой поллярными, научными традициями, становясь одновременно их проводником и «экспортером». В заключение делается вывод о «разломе» между институциональными и личными связями: именно персональные контакты обеспечивали устойчивость, оперативность обмена и включенность участников в сети «социалистической науки».*

***Ключевые слова:** Эдуард Винтер; советско-восточногерманские научные связи; история советской науки; международные интеллектуальные связи; социалистическая наука.*

Груздинская Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН).

Россия, Москва.

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: B-7752-2019

Scopus Researcher ID: 57219342307

ORCID ID: 0000-0002-9533-9861

Gruzdinskaya V.S.

**A Historian Between Worlds: Eduard Winter
and His Soviet Correspondents**

Abstract. This article examines Soviet–East German scientific ties in the second half of the twentieth century.

The issue is explored using personal and professional correspondence between Eduard Winter (1896–1982), a historian from the GDR, and his Soviet colleagues. The study is based on an analysis of materials from Winter’s personal collection, housed in the Archives of the Berlin–Brandenburg Academy of Sciences. The identified sources make it possible to trace the everyday practices of scientific communication. The East German historian had a wide network of contacts with colleagues from the USSR, totaling over forty individuals. In this article, attention is limited to the “Leningrad circle” of E. Winter’s correspondents, which included literary scholars P.N. Berkov and G.N. Moiseyeva, Slavic historian A.S. Mylnikov, and chemist M.A. Bezborodov. The study established that the correspondence was primarily businesslike and focused on exchanging books and reprints of articles, discussing historiographic developments, clarifying archival references, and coordinating translations and publications. Another significant aspect of epistolary communication was the discussion of participation in collections and joint projects. The correspondence reveals that agreements were not always honored, and plans were sometimes disrupted due to excessive workloads. Personal issues rarely surfaced in E. Winter’s correspondence and served as a marker of trust, manifesting in situations of condolence and friendly support. E. Winter appears as a mediator between different, sometimes polar, scholarly traditions, simultaneously serving as their conduit and “exporter.” The study concludes by noting a “rift” between institutional and personal ties: it was personal contacts that ensured the stability, efficiency of exchange, and the participants’ engagement in the network of “socialist science”.

Keywords: Eduard Winter; Soviet–East German scholarly relations; history of Soviet science; international intellectual relations; socialist science.

Gruzdinskaya Viktoria Sergeevna – Candidate of Historical Sciences and a Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS). Russia, Moscow.

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: B-7752-2019

Scopus Researcher ID: 57219342307

ORCID ID: 0000-0002-9533-9861

Российско-немецкие интеллектуальные связи традиционно привлекают внимание исследователей. В историографии накоплен обширный опыт анализа различных форм научного взаимодействия между российскими и немецкими учеными, включая институциональные, персональные и коммуникативные аспекты их контактов [Советско-германские научные связи 2011; Немцы в России 2003; Бонвеч 2005; Расчесова 2014; Актуальное прошлое 2018; Ганин 2024

и др.]. Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, данная проблематика сохраняет ряд существенных лагун. В частности, недостаточно полно изучен период с конца 1940-х по конец 1980-х годов, характеризовавшийся сложной системой международных научных связей в условиях существования двух германских государств: ФРГ и ГДР.

Научные контакты СССР с Западной Германией носили, как правило, ограниченный и эпизодический характер, тогда как взаимодействие с учеными Восточной Германии, оказавшейся в сфере советского влияния, напротив, отличались институциональной разветвленностью и широкой географией. Эти связи развивались в рамках межакадемического сотрудничества, совместных исследовательских проектов, научных командировок и личных контактов между представителями ученого сообщества. В общую схему научного взаимодействия между СССР и ГДР вписывались контакты между историками двух стран. Как и в случае с другими социалистическими государствами Европы, большую роль в выстраивании сотрудничества играли не только научные институции, но и конкретные ученые. Мосты между двумя научными традициями возводили и поддерживали восточногерманские историки, среди них важное место занимали коммунисты Лео Штерн (Leo Stern; 1901–1982), Юрген Кучинский (Jürgen Kuczynski; 1904–1997), Вальтер Бартель (Walter Bartel; 1904–1992), Карл Оберман (Karl Obermann; 1905–1987) и др.

Особняком в этом ряду стоит фигура Эдуарда Винтера (Eduard Winter; 1896–1982). Причины, по которым мы выделяем этого историка, напрямую связаны с его биографией, полной необычных поворотов и невероятных переплетений. Хотя его работы по истории религии и церкви, российско-немецким связям широко востребованы в современной российской историографии [см., напр.: Беглов, Токарева 2024; Мусаев 2025], его связи с отечественными историками остаются практически неизученными [Ковалев 2015]. В Архиве Берлин-Бранденбургской академии наук (Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften) сохранился личный фонд Э. Винтера, содержащий уникальные эпистолярные источники. Ученого связывали и многолетняя переписка, и однократные обмены письмами с широким кругом коллег из Чехословакии, Польши, Венгрии, СССР и др. В рамках настоящей статьи предлагается обратиться к анализу переписки немецкого историка с советскими корреспондентами из Ленинграда, что позволит реконструировать механизмы научной коммуникации, формы профессионального взаимодействия и особенности интеллектуального диалога в контексте развития «социалистической науки». Обращение к ленинградским голосам переписки Э. Винтера неслучайно и вызвано его научными интересами проблемы российско-немецких интеллектуальных связей. Прежде чем перейти к анализу эпистолярного наследия восточногерманского ученого, кратко остановимся на его биографии.

Зигзаги судьбы Э. Винтера: между верой, наукой и идеологией

Детство Эдуарда Винтера прошло в чешско-австрийском приграничье. Будущий историк родился в городе Грогау (ныне – Градек над Нисоу) в семье судебного клерка. Его отец был искренне верующим и преданным католической церкви человеком – типичным австрийцем «телом и душой» [Němec 2017, S. 103]. На определенном жизненном этапе эти черты проявил и Э. Винтер. Интерес к религии возник у него еще в школьные годы, тогда он ежегодно проходил курс духовных упражнений у иезуитов в Богосудове. Царивший в семье и обществе патриотический имперско-австрийский дух глубоко проник в Э. Винтера. Так, в 1915 г., будучи учеником выпускного класса, он предпринял попытку записаться добровольцем на фронт Первой мировой войны. Потерпев неудачу – специальная комиссия признала его негодным к военной службе, Э. Винтер решил посвятить себя служению церкви. В 1915–1919 гг. он обучался богословию в Collegium Canisianum, открытом в 1911 г. в Инсбруке международном учебном заведении Ордена иезуитов.

Летом 1919 г. Э. Винтер, уже рукоположенный в сан священника, вернулся в Богемию, которая теперь стала частью самостоятельного чехословацкого государства [Luft 2016, S. 63]. Он продолжил обучение в Немецком Карловом университете в Праге, получив в 1921 г. докторскую степень. На протяжении многих лет его профессиональная деятельность была тесно связана с этим учебным заведением [Konrád 2011]. В 1920-е годы Э. Винтер принимал деятельное участие в общественной жизни: стал соучредителем и идейным руководителем немецкого молодежного движения «Штаффельштайн» (Staffelstein), включился в деятельность немецкого католического благотворительного общества в Чехословакии. Современные исследователи связывают погруженность ученого в общественные дела со стремлением найти «выход из национального и национально-политического кризиса», обострившегося после немецко-австрийского поражения и формирования новой системы межгосударственных отношений в послевоенной Европе [Němec 2017, S. 108]. Поэтому свои социальные контакты Э. Винтер выстраивал, ориентируясь главным образом на Веймарскую Германию. В 1926–1932 гг. он регулярно участвовал во встречах немецких интеллектуалов (Hohenrodter Bund), которые ежегодно в сентябре собирались для обсуждения новых методов и возможностей народного образования и образования взрослых [Němec 2017, S. 108].

В конце 1920-х годов Э. Винтер сблизился с чешскими учеными, преимущественно благодаря изучению деятельности католического священника, богослова, математика Б. Больцано (Bernard Bolzano; 1781–1848). Эти исследования не просто открыли немецкому историку двери в чешскую профессиональную корпорацию, но и обеспечили авторитетное место в ней. В 1930-е годы Э. Винтер пережил существенную трансформацию мировоззренческих установок, вызванную как напряженными процессами европейского исторического развития, так и внутрен-

ними интеллектуальными и экзистенциальными поисками. Накопившиеся разочарования обусловили постепенное ослабление его религиозной идентификации. Параллельно произошел сдвиг в его научных интересах: проблемы богословия и философии уступили место сюжетам европейской интеллектуальной истории. В рамках этой исследовательской переориентации особое значение для Э. Винтера приобрёл иосифизм, под которым понимается совокупность реформ, проводившихся австрийским императором Иосифом II, направленных на трансформацию католической церкви и подчинение ее институциональных структур светской власти.

В годы Второй мировой войны Э. Винтер жил в Праге, где был вынужден приспособляться к стремительно меняющемуся политическому контексту. Осенью 1941 г. Э. Винтер занял должность профессора на философском факультете Немецкого Карлова университета. Это было невозможно без связи с национал-социалистической партией Германии и оккупационными властями Протектората Богемии и Моравии. В историографии вопрос о возможном членстве ученого в НСДАП поднимался несколько раз [Wiedemann 2000; Waibel 2011]. Э. Винтер публично отрицал свою причастность к национал-социалистам, напротив, подчеркивал свое участие в борьбе с ними. В современной историографии на основе архивных документов было доказано членство историка в НСДАП.

Послевоенный период отмечен для профессора глубокими жизненными и профессиональными трансформациями. После увольнения из Немецкого Карлова университета в июле 1945 г. он переехал в Австрию, где рассчитывал закрепиться на кафедре истории Восточной Европы в Венском университете. Проработав там чуть менее двух лет, с 1946 по 1947 г., Э. Винтер вновь был вынужден искать место службы. Накануне его избрания профессором Венского университета в австрийской прессе вышла серия обличительных статей о его связях с гитлеровским режимом.

Потерпев фиаско в Вене, ученый совершил резкий разворот от умеренного консерватизма в сторону социалистического интернационализма. В 1947 г. Э. Винтер получил предложение занять кафедру в Галле-Виттенбергском университете им. Мартина Лютера. Он переехал в оккупированную Советским Союзом часть Германии, оставив в Австрии жену и детей. В 1948 г. Э. Винтер был избран ректором университета. Ученый рассматривался новыми властями как идеальная фигура переходного периода, призванная выступить «связующим звеном между “старым” буржуазным миром и “новым” миром, в котором “диктатура пролетариата” была провозглашена целью построения лучшего человека и лучшего, более справедливого общества» [Luft 2016, S. 349]. Усиливало его позиции и признание в международных научных кругах, лояльность к коммунистическому режиму. Более того он сам искренне считал, что единственный путь сохранения немецкой нации связан с «обращением к славянскому Востоку, представленному Советским

Союзом» [Němes 2017, S. 256]. В 1951 г. Э. Винтер сложил с себя полномочия ректора, формально по состоянию здоровья. Профессор вновь переехал, на этот раз в Берлин. Там сначала он занял кафедру истории Восточной Европы в Берлинском университете им. Гумбольдта, а затем получил место в Академии наук.

Отношение к Э. Винтеру в немецкой научной среде было сложным и неоднозначным. С одной стороны, он стал примером перековки старых научных кадров на социалистический лад. В 1955 г. Э. Винтер был избран академиком Немецкой академии наук в Берлине (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin), а на следующий год был удостоен Государственной премии ГДР (Nationalpreis der DDR). Ученый сосредоточил в своих руках различные академические должности и превратился в одного из лидеров исторической науки ГДР. Он охотно принимал любые публичные должности, награды и иные формы официального признания, поскольку они способствовали укреплению его позиций. Для Э. Винтера было принципиально важно оставаться включенным в официальные иерархии немецкой науки, так как связанный с ними институциональный авторитет обеспечивал ему определенную степень защиты и покровительство [Luft 2016, S. 393].

В то же время многолетний конкурент за звание главного историка ГДР, коммунист с «чистой биографией» Л. Штерн в письмах к высокопоставленным партийным деятелям без стеснения называл Э. Винтера «интриганом иезуитского толка» [Němes 2017, S. 265]. Острая конкуренция между историками проявилась в начале 1960-х годов, в период, когда встал вопрос о выходе Э. Винтера на пенсию. Ему все же удалось сохранить за собой возможность продолжать научную работу в Академии наук ГДР, тогда как все попытки сохранить место в университете не увенчались успехом. Контракт профессору продлевали дважды, каждый раз сроком на один год, вплоть до 1965 г.

Выйдя на пенсию, Э. Винтер совместно с группой своих учеников сосредоточился на изучении трех тем: 1) Б. Больцано, 2) политический клерикализм и 3) немецко-российские научные связи. В современной литературе отмечается, что работа Э. Винтера как общественно-политического, так и научного характера была направлена на благо немецко-русского/советского взаимопонимания, которое он поддерживал до конца своей жизни благодаря многочисленным личным контактам [Luft 2016, S. 406]. Тому доказательство обширная переписка немецкого историка с коллегами из СССР¹.

1. На основе анализа его эпистолярного наследия было установлено, что ученый состоял в эпистолярном общении (правда, заметим, разной степени интенсивности и насыщенности) с порядка 40 коллегами – историками, литературоведами, историками науки и др. из Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева. При этом сохранились как письма к Э. Винтеру, так и черновики его писем. Можно с уверенностью сказать, что сохранилось не все. Например, известно, что с конца 1950-х годов он переписывался с П. Н. Берковым, но в фонде восточнонемецкого историка сохранились всего три письма от советского коллеги за 1964–1967 гг.

Голоса из Ленинграда: корреспонденты Э. Винтера

Начало эпистолярного общения Э. Винтера с советскими коллегами относится к концу 1950-х годов, ко времени его первых приездов в СССР. Важным стимулом к расширению сети личных контактов стало его посещение Советского Союза в ноябре 1961 г., приуроченного к празднованию 250-летия со дня рождения М.В. Ломоносова. Немецкий профессор в числе 25 иностранных учёных был приглашен на юбилейную сессию. В конце октября 1961 г. профессор получил письмо от президента АН СССР М.В. Келдыша, в котором сообщалось, что советская сторона берет на себя связанные с его пребыванием в СССР расходы [Письмо М.В. Келдыша Э. Винтеру от 23.10.1961 г.]. Юбилейные торжества прошли в Москве и Ленинграде и включали помимо научной повестки насыщенную культурную программу (экскурсии по городу, посещение театров и музеев)². В своих воспоминаниях Э. Винтер назвал поездку в СССР незабываемой. Он отметил жгучий мороз и сильный ветер, дуэт которых, по его словам, создавал странное ощущение, словно «с лица сходит плоть и остаются кости» [Winter 1994, S. 130]. Настоящим открытием он назвал Эрмитаж, где его поразила уникальная и обширная коллекция полотен Рембрандта.

Э. Винтер высоко оценил и научные итоги поездки, в ходе которой он встречался и активно общался с советскими коллегами. О приеме у президента АН СССР профессор вспоминал: «Это был пышный праздник. За ужином я сидел рядом с выдающимся историком Б.А. Рыбаковым, с которым, как и с М.Н. Тихомировым, у меня время от времени завязывались беседы» [Winter 1994, S. 130]. 24 ноября он встретился с проректором ЛГУ С.И. Тюльпановым, который в 1945–1949 гг. возглавлял управление пропаганды Советской военной администрации в Германии. С теплотой немецкий ученый записал о своем давнем знакомом: «Он, как и прежде в Берлине, проявил себя как культурно-политически чуткий партнер, и на вечернем приеме Академии стремился лично сблизить меня с Хвостовым и Топчиевым» [Winter 1994, S. 130]. Впрочем, в основе сближения с советскими коллегами лежал совместный проект по изданию дневников немецкого учёного Д. Мессершмидта³.

Встретился профессор и с директором Института истории естествознания и техники АН СССР, историком науки Н.А. Фигуровским. Ученые обсуждали вопрос о создании Национального комитета по истории науки ГДР с целью выступить в 1962 г. с совместным докладом о немецко-российских научных связях XVIII в. на X Международном конгрессе по истории науки в Итаке (США). В своих воспоминаниях Э. Винтер, однако, не упоминает, что этим планам

2. Подробнее о юбилейных торжествах см.: [Осипова 2016].

3. О работе над дневниками Мессершмидта сохранились воспоминания ученика Э. Винтера П. Хоффмана: [Hoffmann 2006, S. 145–150].

не суждено было сбыться. На родине профессор столкнулся с резким сопротивлением его включения в состав Национального комитета: оппоненты аргументировали свою позицию тем, что он не являлся гражданином ГДР (до конца своих дней историк сохранил австрийский паспорт) и, следовательно, не имел юридических оснований представлять восточногерманскую науку в международных организациях [Luft 2017, S. 387].

Вернувшись в Берлин, Э. Винтер сосредоточил свои исследования вокруг проблемы немецко-российских научных связей в рамках концепции «немецко-славянской взаимности». Эту идею исследователь разрабатывал совместно с ленинградским литературоведом П.Н. Берковым [Шиппан 2021, с. 123]. Ученые были знакомы с конца 1950-х годов. Как следует из воспоминаний Э. Винтера, их сближение произошло благодаря личным встречам во время его командировки в Ленинград в 1957 г. и приезда П.Н. Беркова в Берлин в том же году [Winter 1994, S. 108]. В личном фонде Э. Винтера сохранилась всего пара писем от советского коллеги, но их содержание и тон свидетельствует о близких отношениях. Так, в письме от 1 января 1967 г. П.Н. Берков благодарил за поздравления с 70-летием, разбавляя их неформальным сообщением о своих делах: «Несколько слов о себе: у меня не было публичного чествования, я от него отказался, но неофициально день моего рождения был отмечен банкетом в ресторане “Нева”, было много народу, кажется, было весело. А через несколько дней мне пришлось лечь в больницу (из-за сердца). Но все оказалось не так опасно. 30-го декабря меня выпустили из больницы, и мы переехали в Комарово. Здесь сейчас чудесно: снег, тишина, чудный воздух» [Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г.]. Также ленинградский ученый поздравил Э. Винтера с выходом в свет сборника, приуроченного к его юбилею⁴, и благодарил за возможность участвовать в нем. Издание, подчеркнул П.Н. Берков, следует считать «монументальным признанием Вашей славы мирового ученого» [Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г.]. В двух других сохранившихся эпистолярных свидетельствах (от 7 июня 1964 г. и 15 августа 1966 г.) также содержатся упоминания о событиях личной жизни и сердечные приветы супруге и детям.

Такой формат коммуникации все же не совсем типичен для Э. Винтера. Пожалуй, подобного рода общение связывало немецкого профессора еще с московским историком А.М. Сахаровым. Учитывая внушительный объем и насыщенность их эпистолярного диалога⁵, данный сюжет останется за пределами внимания в данной статье. Переписка Э. Винтера с советскими коллегами носила преимущественно деловой характер и была сосредоточена на профессиональных вопросах. Среди его корреспондентов были известные ленинградские

4. Имеется в виду сборник [Ost und West 1966].

5. В фонде Э. Винтера сохранилось 36 писем от А.М. Сахарова, датированных 1960–1977 гг. См.: [Письма от А.М. Сахарова Э. Винтеру].

ученые: историк-славист А.С. Мыльников, литературовед Г.Н. Моисеева и химик М.А. Безбородов.

Обмен научными изданиями и мнениями относительно историографических новинок нередко оказывался в центре переписки. Так, 19 ноября 1966 г. А.С. Мыльников подчеркивал важность и полезность для себя книги Э. Винтера о реформах австрийского императора Иосифа II⁶. Одновременно с письмом ленинградский исследователь переслал немецкому коллеге сборник «Славянское возрождение», в котором опубликована первая часть его исследования о происхождении чешского Просвещения XVIII в. [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 19.11.1966 г.]. А.С. Мыльников завершил письмо просьбой: «Ваше мнение об этой работе, господин профессор, даже в форме личного письма, было бы для меня очень интересным и полезным» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 19.11.1966 г.]. С просьбами к ленинградскому ученому обращался и Э. Винтер. Так, из ответного письма А.С. Мыльникова от 7 октября 1973 г. известно, что немецкий профессор консультировался у него по поводу архивных коллекций. Советский историк уточнял: «АВПР – это Архив внешней политики России, составная часть Архива Министерства иностранных дел СССР. Фонд «Сношения России с Австрией» состоит в основном из переписки русского посольства с Петербургом и Москвой» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 7.10.1973 г.]. Далее он привел ссылку на путеводитель по Центральному государственному архиву древних актов (т.1., М., 1946), где указаны интересующие Э. Винтера фонды.

В переписке нередко обсуждались детали сотрудничества. Э. Винтер принимал активное участие в издаваемых советскими научными учреждениями сборниках. В частности, сотрудница Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР Г.Н. Моисеева в ноябре 1973 г. сообщала немецкому коллеге, что присланная им ранее статья для очередного выпуска сборника «XVIII век» находится в издательстве [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 10.11.1973 г.]. Выпуск посвящался памяти П.Н. Беркова. Э. Винтер написал туда мемориально-историографический очерк о своем друге-коллеге. Правда, при подготовке сборника к печати произошла ошибка. В редакции перепутали статью немецкого ученого: вместо историографического этюда о П.Н. Беркове ему приписали авторство работы «Ранние русские ямбы и их немецкие образцы». Недоразумение обнаружилось на этапе корректуры. Письмо с извинениями в феврале 1974 г. ему направила филолог, ученица П.Н. Беркова Н.Д. Кочеткова: «Приношу Вам свои самые искренние извинения за ту ошибку, которая, по моей вине, произошла с наименованием Вашей статьи. Речь шла о Вашей статье “П.Н. Берков и ‘Материалы и исследования по истории Вос-

6. Имеется в виду: [Winter 1962].

точной Европы”», представленной для сборника памяти Павла Наумовича Беркова. Редколлегия сборника хотела получить от Вас подтверждение о согласии опубликовать именно эту статью на безгонорарных условиях» [Письмо Н.Д. Кочетковой Э. Винтеру от 11.02.1974 г.]. История завершилась благополучно – текст немецкого профессора в переводе Р.Ю. Данилевского увидел свет в 1975 г. [Винтер 1975].

Нередко корреспонденты обменивались планами будущих исследований. Так, в январе 1974 г. Винтер поделился с Г.Н. Моисеевой намерениями написать книгу о Феофане Прокоповиче и Симоне Тодорском как представителях религиозной мысли XVIII в. Советская исследовательница полностью его поддержала, добавив: «Я думаю, что Вы создадите очень интересный труд. Именно Вы, ибо никто другой не смог бы взяться за эту тему – так она сложна, и кроме того, требует громадных специальных знаний в области западноевропейской и русской теологической мысли, и древнего и нового времени» [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 19.02.1974 г.].

В следующих письмах Э. Винтера и Г.Н. Моисеевой продолжилось обсуждение данной темы. Ленинградская исследовательница сообщала немецкому профессору об архивных находках, которые могли его заинтересовать. Например, в собрании академика В.Н. Перетца в Древлехранилище ИРЛИ АН СССР она обнаружила «Морфологию греческого языка Симона Тодорского», представляющую собой копию с киевского издания 1738 г. Н.Г. Моисеева писала, что по интересующему Э. Винтера вопросу она консультировалась с основателем Древлехранилища и большим знатоком древнерусской литературы, доктором филологических наук В.И. Малышевым (1910–1976). Именно он уверил ее в том, что в неописанной части архива возможны и другие полезные находки, с чем вызвался помочь [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 02.04.1974 г.]. В письме от 26 июня 1974 г. Н. Моисеева сообщала, что заказала фотокопии некоторых источников: титула, предисловия и введения «Морфологии греческого языка» Симона Тодорского 1738 г., а также фрагменты «дела» XVIII в. о Феофане Прокоповиче [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 26.06.1974 г.]. Последний источник, по ее мнению, особенно интересен, так как в нем Феофан Прокопович назван «лютеранином» и противопоставлен «истинному ревнителю православия» Феофилакту Лопатинскому. Н.Г. Моисеева предупредила профессора, что фотокопии еще не готовы, а она вынуждена уехать в санаторий в Крым, поэтому документы ему придет В.И. Малышев. Собственно, что он и сделал в июле 1974 г., сопроводив посылку короткой и доброжелательной запиской [Письмо В.И. Малышева от 08.07.1974 г.]. Этим эпистолярный разговор между Э. Винтером и В.И. Малышевым ограничился.

Письма Н.Г. Моисеевой изобиловали большим количеством деталей из научной жизни Ленинграда, отличались динамичным и эмоционально-деловым тоном. Любопытно ее обращение к Э. Винтеру от 23 октября 1972 г. Она бла-

годарила профессора за присылку библиографически редкого в СССР издания. Работа принадлежала перу историка из ФРГ – Х. Хертеля⁷ – и потому была недоступна советским исследователям. Э. Винтеру, однако, удавалось преодолевать жесткие барьеры, воздвигнутые Берлинской стеной. От всего сектора ИРЛИ АН СССР Н.Г. Моисеева просила: «Если Вы не будете возражать, то разрешите ознакомиться с этой книгой сотрудникам группы «XVIII век» и, в частности, Н.Д. Кочетковой <...> Прошу Вашего разрешения возвратить Вам книгу через месяц, в конце ноября» [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 23.10.1972 г.]. Согласие немецкого профессора было получено, а книга вернулась в Берлин спустя полгода – в марте 1973 г. [Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 03.03.1973 г.].

Из переписки известны примеры, когда по тем или иным причинам сотрудничество срывалось. Так, в январе 1979 г. А.С. Мыльников отказался от предложения Э. Винтера подготовить статью о немецком переводе «Слова о полку Игореве». Ленинградский историк писал: «<...> я учитывал как характер Вашего сборника, так и соответствие с его задачами того материала, которым располагаю. И я пришел к выводу, что для этой цели мне пришлось бы провести еще ряд изысканий, которые потребовали бы значительного времени. К сожалению, огромная нагрузка, которая была намечена мною ранее, и которая не терпит отлагательства, а равно ограниченные сроки, лимитирующие Ваше издание – все это вынуждает меня отказаться от прежней мысли направить Вам необходимый материал. Я исхожу при этом из реального положения. Мне не хотелось бы строить иллюзорные планы, которые затем я не смог бы выполнить. Думаю, что это не шло бы на пользу делу» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 12.01.1979 г.].

Завершил письмо ученый надеждой на будущие встречи и совместные проекты и добавил: «Пока же я от всего сердца желаю Вам успеха в задуманном Вами труде по германо-славянским контактам. Мы хорошо знаем и глубоко уважаем Вашу титаническую деятельность по раскрытию позитивного наследия в истории взаимного общения между немецкими и славянскими народами. И потому я убежден, что усилия в этой области Вы с успехом будете предпринимать и впредь» [Письмо А.С. Мыльникова Э. Винтеру от 12.01.1979 г.]. Показательно, что в данный сборник Э. Винтер не пригласил известного советского специалиста по «Слову...» (хотя его концепция рождала много споров) А.А. Зимина (1920–1980). Ученые состояли в переписке. Исходя из материалов фонда Э. Винтера, это общение не было плотным и ограничивалось обменом нескольких писем в конце 1960-х годов уже после масштабной научной дискуссии взглядов советского историка. Несмотря на этот факт, А.А. Зимин оставил

7. Имеется в виду: [Härtel 1970].

неприглядные воспоминания о немецком коллеге, назвав его исследования слабыми и представляющими собой в лучшем случае «наспех сколоченный свод довольно банальных фактов и пустых слов» [Зимин 2015, с. 324]. С нескрываемой обидой он описывал, как изменилось к нему отношение Э. Винтера во второй половине 1960-х гг. «Меня он дружески похлопывал по плечу, конечно, до Слова, а там я стал для него ненужным, хотя и сохранил ко мне теплые чувства» – фиксировал А.А. Зимин [Зимин 2015, с. 324]. Возможно, такая реакция была вызвана тем, что его не пригласили в немецкий сборник. В мемуарах Э. Винтера нет ни строчки: ни о дискуссии вокруг «Слова о полку Игореве», ни о А.А. Зимине (даже бегло его фамилия не упоминается, в отличие от многих советских историков-специалистов по средневековой истории Руси).

Ранее уже упоминалось, что личные вопросы в переписке возникали крайне редко. За исключением П.Н. Беркова и А.М. Сахарова, отношения с которыми можно охарактеризовать как дружески-приятельские, наиболее явным примером вхождения в зону интимных переживаний следует считать письмо историка химии XVIII в. М.А. Безбородова от 12 декабря 1976 г. [Письмо М.А. Безбородова Э. Винтеру от 12.12.1976 г.]. В нем он выражал соболезнования Э. Винтеру по случаю кончины его супруги Марии. Советский учёный выражал в письме неподдельное сочувствие: «Я очень хорошо понимаю Вас. В 1965 году – одиннадцать лет назад – я также потерял свою любимую жену, с которой дружно прожили вместе 43 года. Полгода я не мог прийти в себя. И только потом я принялся за книгу “Синтез и строение силикатных стекол”, над которой мы работали вместе, и закончил ее. Она была напечатана в 1968 году. На титульном листе я написал “Светлой памяти жены и друга”» [Письмо М.А. Безбородова Э. Винтеру от 12.12.1976 г.]. Мария Винтер скончалась в начале 1976 г. Утрата супруги стала для профессора глубоким душевным потрясением. Как отмечают его биографы, после смерти жены в 1976 г. Винтер эмоционально еще сильнее сблизился с ГДР, что отчасти отразилось и в его дневниковых записях. В этот период он называл ГДР родиной, имея в виду родину своей масштабной научной деятельности и родину своих учеников [Luft 2017, S. 422.].

В четырех других сохранившихся письмах М.А. Безбородова зафиксированы сведения об отправке и получении книг или статей, а также сообщение о смене телефонного номера. В марте 1964 г. советский ученый узнал о скором приезде Э. Винтера в Ленинград, по этому поводу написал ему телефон для связи и выразил надежду на встречу [Письмо А.М. Безбородова Э. Винтеру от 25.03.1964 г.]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют ответить на вопрос, удалось ли учеными лично встретиться в городе на Неве. В конце мая – июне 1964 г. Э. Винтер предпринял продолжительную поездку в Советский Союз. Основным поводом стало его участие в юбилейных мероприятиях, посвященных 150-летию со дня рождения украинского по-

эта Т. Шевченко. После торжеств в Киеве и краткого путешествия по Днепру в начале июня ученый прибыл в Ленинград, где продолжил работу в академическом архиве. В мемуарах он привел дневниковые записи от 4 июня: «Какой же это гигантский край – Советский Союз, какой великий народ! Дружба с ним имеет огромное значение» [Winter 1994, S. 144].

* * *

Таким, образом, на материале эпистолярного наследия Э. Винтера показано, что научная коммуникация между историками СССР и ГДР строилась не только через формализованные институциональные каналы, но и через устойчивые личные контакты, поддерживаемые конкретными исследователями. Переписка выступала важнейшим инструментом обмена научной информацией, координации совместных проектов, обсуждения историографических новинок и источниковых находок, а также способом преодоления идеологических и политических ограничений эпохи Холодной войны, с одной стороны, и выстраивания коммуникативных сетей в рамках «социалистической науки» – с другой.

Э. Винтер в этом контексте предстает как посредник между научными традициями. В условиях послевоенного развития Германии он выступает примирителем разных, порой полярных, интеллектуальных традиций, становясь одновременно их проводником и «экспортером». В рамках статьи внимание было ограничено ленинградскими адресатами Э. Винтера. Анализ писем позволил выявить характерные черты этой коммуникации: преобладание деловой проблематики, редкость обращения к личным темам и одновременно высокий уровень доверия между корреспондентами.

Обращение к переписке Э. Винтера дополняет существующие представления о советско-восточногерманских научных связях, уточняя их «человеческое измерение» и показывая роль индивидуальных акторов в формировании и поддержании транснациональных научных сетей в социалистическом мире. Эпистолярные источники оказываются важным инструментом реконструкции интеллектуальной истории эпохи и открывают перспективы для дальнейших исследований персональных и коммуникативных аспектов научного взаимодействия в XX в.

Библиография

Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. СПб.: Реноме, 2018. 642 с.

Беглов А.Л., Токарева Е.С. Что думали в Ватикане о религиозном возрождении на оккупированной территории СССР в 1942 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Серия 2: История. История русской православной церкви. 2024. № 120. С. 163–179.

Бонвеч Б. Научные связи России и Германии: традиции и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. Вып. 10. С. 162–166.

Винтер Э. П.Н. Берков и «Материалы и исследования по истории Восточной Европы» // XVIII век. Вып. X: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Ленинград: Наука, 1975. С. 49–53.

Ганин М.А. Научно-технические командировки ученых в Германию в 1920-е годы как один из факторов промышленного комплекса // Новая и новейшая история. 2024. № 5. С. 168–182.

Зимин А.А. Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.

Ковалев М.В. А.В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога: сб. ст. Саратов: Изд-во Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина. Саратов, 2015. С. 136–183.

Мусаев В.И. Православие в Польше в 1870–1920-е гг. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. 580 с.

Немцы в России: три века научного сотрудничества: сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 604 с.

Осипова Н.М. Празднование 250-летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М.В. Ломоносова (1765). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Вып. 2. С. 119–132.

Письма от А.М. Сахарова Э. Винтеру // Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (далее – АБВАВ). NL Eduard Winter. NR 733.

Письмо А.М. Безбородова Э. Винтеру от 25.03.1964 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 74.

Письмо А.С. Мыльников Э. Винтеру от 19.11.1966 // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 590.

Письмо А.С. Мыльников Э. Винтеру от 7.10.1973 // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 590

Письмо А.С. Мыльников Э. Винтеру от 12.01.1979 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 590.

Письмо В.И. Малышева от 08.07.1974 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 520.

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 03.03.1973 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 565.

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 23.10.1972 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 565.

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 02.04.1974 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 565

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 10.11.1973 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 565

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 19.02.1974 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 565

Письмо Г.Н. Моисеевой Э. Винтеру от 26.06.1974 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 565.

Письмо М.А. Безбородова Э. Винтеру от 12.12.1976 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 74.

Письмо М.В. Келдыша Э. Винтеру от 23.10.1961 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 3355

Письмо Н.Д. Кочетковой Э. Винтеру от 11.02.1974 // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 428.

Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 63.

Письмо П.Н. Беркова Э. Винтеру от 01.01.1967 г. // АБВАВ. NL Eduard Winter. NR 63.

Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание Комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.

Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб.: Наука, 2001. 366 с.

Шиппан М. Царь Петр I и его время в немецкой литературе XX века: библиографический обзор // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021. Вып. 28. С. 121–140.

Härtel H.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovitsch. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1970. 244 S.

Hoffmann P. In der hinteren Reihe aus dem Leben eines Osteuropa-Historikers in der DDR. Berlin: Nora, 2006. 328 S.

Konrád O. Dějepisectví, germanistika a slavistika na Německé univerzitě v Praze, 1918–1945. Praha: Karolinum, 2011. 360 s.

Luft I. Eduard Winter zwischen Gott, Kirche und Karriere. Vom böhmischen katholischen Jugendbundführer zum DDR-Historiker. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2016. 602 S.

Němec J. Eduard Winter 1896–1982. Zpráva o originalitě a přizpůsobení se sudetoněmeckého historika. Brno: Filozofická fakulta, Masarykova univerzita, 2017. 384 S.

Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 816 S.

Waibel H. Diener vieler Herren: Ehemalige NS-Funktionäre in der SBZ/DDR. Frankfurt am Main, 2011. 390 S.

Wiedemann A. Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag (1942–1945). Dresden, 2000. 132 S.

Winter E. Der Josefinitismus und seine Geschichte. Geschichte des österreichischen Reformkatholizismus 1740–1848. Berlin: Rutten & Loening, 1962. 349 S.

Winter E. Erinnerungen (1945–1976). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1994. 160 S.

References

Aktual'noe proshloe: vzaimodeystvie i balans interesov Akademii nauk Rossiyskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v. Ocherki istorii: v 2 kn. [The Relevant Past: Interaction and Balance of Interests of the Academy of Sciences of the Russian State in the 18th–Early 20th Centuries. Essays on History. In 2 vols.]. St. Petersburg: Renome, 2018. (In Russ.)

Beglov A.L., Tokareva E.S. Chto dumali v Vatikane o religioznom vrozozhdenii na okkupirovannoy territorii SSSR v 1942 g. [What Was Thought in the Vatican about Religious Revival in the Occupied Territory of the USSR in 1942] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2024. N 120. P. 163–179. (In Russ.)

Bonvech B. Nauchnye svyazi Rossii i Germanii: traditsii i perspektivy [Scientific Relations between Russia and Germany: Traditions and Prospects] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2005. Iss. 10. P. 162–166. (In Russ.)

Ganin M.A. Nauchno-tehnicheskie komandirovki uchenykh v Germaniyu v 1920-e gody kak odin iz faktorov promyshlennogo kompleksa [Scientific and Technical Trips of Scholars to Germany in the 1920s as a Factor in Industrial Development] // Novaya i noveyshaya istoriya. 2024. N 5. P. 168–182. (In Russ.)

Kovalev M.V. A.V. Florovskiy i ego nemetskie korrespondenty [A.V. Florovsky and His German Correspondents] // Istoricheskaya pamyat' i strategii rossiysko-nemetskogo mezhkul'turnogo dialoga: sb. st. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. Yu.A. Gagarina, 2015. P. 136–183. (In Russ.)

Musaev V.I. Pravoslavie v Pol'she v 1870–1920-e gg. [Orthodoxy in Poland in the 1870s–1920s]. St. Petersburg, 2025. 580 p. (In Russ.)

Nemtsy v Rossii: tri veka nauchnogo sotrudnichestva: sb. st. [Germans in Russia: Three Centuries of Scientific Cooperation. Collected Papers]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 604 p. (In Russ.)

Osipova N.M. Prazdnovanie 250-letnego yubileya so dnya rozhdeniya M.V. Lomonosova [Celebration of the 250th Anniversary of M.V. Lomonosov's Birth] // Lomonosovskie chteniya v Kunstkamere. K 270-letiyu izdaniya pervogo "Atlasa Rossiyskogo" (1745) i 250-letiyu so dnya smerti M.V. Lomonosova (1765). St. Petersburg: MAE RAS, 2016. Iss. 2. P. 119–132. (In Russ.)

Pis'ma ot A.M. Sakharova E. Vinteru [Letters from A.M. Sakharov to E. Winter] // Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (ABBAW). Nachlass Eduard Winter. N 733. (In Russ.)

Pis'mo A.M. Bezborodova E. Vinteru ot 25.03.1964 g. [Letter from A.M. Bezborodov to E. Winter, March 25, 1964] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr 74. (In Russ.)

Pis'mo A.S. Myl'nikova E. Vinteru ot 12.01.1979 g. [Letter from A.S. Mylnikov to E. Winter, January 12, 1979] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 590. (In Russ.)

Pis'mo A.S. Myl'nikova E. Vinteru ot 19.11.1966 g. [Letter from A.S. Mylnikov to E. Winter, November 19, 1966] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 590. (In Russ.)

Pis'mo A.S. Myl'nikova E. Vinteru ot 7.10.1973 g. [Letter from A.S. Mylnikov to E. Winter, October 7, 1973] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 590. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 02.04.1974 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, April 2, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 03.03.1973 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, March 3, 1973] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 10.11.1973 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, November 10, 1973] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 19.02.1974 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, February 19, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 23.10.1972 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, October 23, 1972] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo G.N. Moiseevoy E. Vinteru ot 26.06.1974 g. [Letter from G.N. Moiseeva to E. Winter, June 26, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 565. (In Russ.)

Pis'mo M.A. Bezborodova E. Vinteru ot 12.12.1976 g. [Letter from M.A. Bezborodov to E. Winter, December 12, 1976] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 74. (In Russ.)

Pis'mo M.V. Keldyshya E. Vinteru ot 23.10.1961 g. [Letter from M.V. Keldysh to E. Winter, October 23, 1961] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 3355. (In Russ.)

Pis'mo N.D. Kochetkovoy E. Vinteru ot 11.02.1974 g. [Letter from N.D. Kochetkova to E. Winter, February 11, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 428. (In Russ.)

Pis'mo P.N. Berkova E. Vinteru ot 01.01.1967 g. [Letter from P.N. Berkov to E. Winter, January 1, 1967] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 63. (In Russ.)

Pis'mo V.I. Malysheva ot 08.07.1974 g. [Letter from V.I. Malyshev, July 8, 1974] // ABBAW. Nachlass Eduard Winter. Nr. 520. (In Russ.)

Raschesova M.V. Zarozhdenie sotrudnichestva nemetskikh i sovetских istorikov. Sozdanie Komissii istorikov SSSR i GDR (1949–1961 gg.) [The Emergence of Cooperation between German and Soviet Historians: The Establishment of the USSR–GDR Commission of Historians (1949–1961)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2014. N 5. P. 78–86. (In Russ.)

Shippan M. Tsar' Petr I i ego vremena v nemetskoy literature XX veka: bibliograficheskiy obzor [Tsar Peter I and His Era in 20th-Century German Literature: A Bibliographic Review] // Istoriograficheskiy sbornik. Vol. 28. Saratov, 2021. (In Russ.)

Sovetsko-germanskije nauchnye svyazi vremeni Veymarskoy respubliki [Soviet–German Scientific Relations during the Weimar Republic]. St. Petersburg: Nauka, 2001. 366 p. (In Russ.)

Winter E. P.N. Berkov i «Materialy i issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy» [P.N. Berkov and “Materials and Studies on the History of Eastern Europe”] // XVIII vek. Iss. X: Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi. Leningrad: Nauka, 1975. P. 49–53. (In Russ.)

Zimin A.A. Khram nauki (razmyshleniya o prozhitom) [The Temple of Science (Reflections on a Life Lived)] // Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroy poloviny XX veka. Moscow: Akvarius, 2015. (In Russ.)